

Для чего мы говорим? (К проблеме ритуала и прецедента в коммуникации)

© кандидат филологических наук Д. Б. Гудков, 1997

Вопрос, вынесенный в заголовок настоящей статьи, представляется, с одной стороны, весьма простым, а с другой — чрезвычайно сложным и запутанным. Ответить на него — значит предложить классификацию речевых актов, охватывающую все случаи использования языка. Предложить подобную классификацию до настоящего времени, насколько нам известно, не удавалось никому¹.

Изменим несколько поставленный вопрос: с какой целью люди вступают в общение? Для того, чтобы сообщить друг другу что-либо, обменяться информацией — вот, вероятно, первый ответ, который приходит в голову. Одним из простейших типов минимального диалогического единства является последовательный обмен информацией, которая представляется говорящему новой для собеседника. Например:

А. *Этим летом мы отдыхали в Турции. Там замечательные пляжи.*

Б. *А я был в Бельгии. Там прекрасное пиво.*

Другим простейшим случаем является диалог, построенный по схеме “запрос информации — сообщение информации”:

А. *Сколько сейчас времени?*

Б. *Половина седьмого.*

Многочисленные случаи диалогических единств самого разного объема представляют собой комбинацию двух перечисленных типов. Кроме этого, существует большое количество коммуникативных актов, детально изучаемых в ТРА, при осуществлении которых говорящий, произнося слова, совершает определенное действие. Их принято называть перформативами. Высказывание при этом есть действие — приказ, принятие на себя определенных обязательств и т.д. (см. “классические” классификации подобных актов у Остина [14] и Серля [18]).

Указанные типы, вероятно относятся к числу “ядерных” типов коммуникативных актов и подробно изучаются различными научными

¹ Данная проблема была поставлена, например, М. М. Бахтиным, указывавшем на необходимость выделения и описания речевых жанров, т.е. типов высказываний [1]. Будучи полностью согласны с основными положениями указанной работы, заметим, что мы в дальнейшем будем рассматривать сходную проблему в несколько ином аспекте.

дисциплинами. Существуют, однако, речевые акты, которые невозможно отнести ни к одному из указанных типов, т.е. при произнесении определенного высказывания, обращенного к собеседнику, говорящий не совершает действия (в понимании последнего в ТРА), не запрашивает информацию и не сообщает новой информации. Количество подобных актов достаточно велико в нашем речевом поведении и принадлежат они к различным типам. Рассмотрим один пример.

- (1) А. *Hi, how are you?*
В. *Hi, how are you?*

Перед нами типичный обмен приветствиями представителей, например, американского лингво-культурного сообщества (ЛКС). По форме А обращается к В с запросом информации, В не отвечает, но сам задает вопрос, на который не ждет ответа, более того, подробный ответ на вопрос любого из коммуникантов в данном случае ведет к нарушению правил коммуникации и коммуникативной неудаче². Мы видим обмен репликами, лишенными какого-либо языкового содержания, важным оказывается не значение высказывания, но сам факт его произнесения (возможно, и манера произнесения, т.е. такие суперсегментные характеристики, как интонация, регистр и др., а также невербальные средства коммуникации — мимика, жест и др.).

Рассмотрим еще один пример.

(2) *На международной конференции славистов в одной из стран Западной Европы наш коллега из Украины произнес свой доклад на украинском языке. Рабочими языками конференции, помимо английского, были объявлены все славянские, но большинство участников (в том числе из стран Западной и Восточной Европы) предпочли выступить по-русски, т.к. этим языком владели практически все слависты. Автор упомянутого доклада, сознавая, что содержание его сообщения останется недоступно подавляющему большинству слушателей, не владевшего украинским языком, предпочел выступить по-украински, а не по-русски, хотя русский язык он, конечно, знал в совершенстве.*

Данный случай использования языка существенно отличается от первого рассмотренного нами, но их объединяет одна существенная

² Этот случай отличается от обмена вопросами без ответов в косвенных речевых актах (о них см. ниже), например:

А. *Почему ты не снял ботинки?* (= Я делаю тебе замечание за то, что ты не снял ботинки)

Б. *А почему твои вещи разбросаны по всей квартире?* (= Ты не имеешь права делать мне замечания, т.к. сам(-а) не отличаешься аккуратностью)

черта: и в том и в другом случае высказывание оказывается асемантическим, если рассматривать его как речевой акт, который может интерпретироваться по языковым законам, важным является сам факт произнесения подобного высказывания, но не его содержание. Если рассматривать высказывание не как сумму знаков, но как сложный знак, то необходимо признать резкий разрыв означаемого и означающего, невыводимость смысла производства высказывания из его значения.

Разрыв поверхностного значения высказывания и его смысла, или, по словам Дж.Р. Серля, “значения высказывания говорящего” и “значения предложения” [19, с.195], можно наблюдать и в косвенных речевых актах, на которых остановимся несколько подробнее.

Дж.Р. Серль называет косвенными речевыми актами “те случаи, когда один иллокутивный акт осуществляется опосредованно, путем осуществления другого” [19, с.196]. “В косвенных речевых актах говорящий передает слушающему большее содержание, чем то, которое он реально сообщает, и он делает это, опираясь на общие фоновые знания, как языковые, так и неязыковые, а также на общие способности разумного рассуждения, подразумеваемые им у слушающего” [19, с.197]. В косвенных речевых актах значение и смысл высказывания существенно расходятся. Слушатель должен восстановить смысл высказывания, а следовательно, и намерения говорящего, опираясь на определенные процедуры. Рассмотрим в качестве примера (3) высказывание *Я твой отец!*, которое всегда выступает как косвенный речевой акт (за исключением совершенно мелодраматических ситуаций, встречающихся в латиноамериканских телесериалах, но не в реальной жизни); оно нарушает один из коммуникативных постулатов Грайса, сообщая явно избыточную информацию. Смысл, передаваемый посредством этого высказывания, может быть различным, но он легко восстанавливается реципиентом из контекста и ситуации: *Я имею право делать тебе замечания; Я люблю тебя; Ты должен слушаться меня* и т.д. и т.п.

В данном случае мы наблюдаем разрыв означающего (формы высказывания) и означаемого (его содержания). Прямое декодирование высказывания по законам языковой семантики ведет либо к абсурду, либо к созданию комического эффекта, либо к нарушению коммуникации (любой из этих вариантов не исключает остальных). Рассмотрим несколько примеров (мы при этом сознательно не поднимаем вопрос об искренности/неискренности коммуникантов).

(4) В к/ф “Ты и я” герой, роль которого исполняет Ю. Визбор, на вопрос пробегающего по коридору сослуживца: “Привет, как дела?” —

начинает подробно рассказывать о всех накопившихся у него проблемах, что вызывает явное неудовольствие и удивление его собеседника.

(5) Мальчик звонит на работу матери и просит позвать ее к телефону. Ему отвечают: “Ее нет, позвоните, пожалуйста, через час”. “Ладно”, — отвечает мальчик и вешает трубку. На совет он реагирует как на просьбу, т.е. воспринимает форму высказывания, но не понимает его смысл.

(6) Хрестоматийный диалог Воланда и буфетчика из романа “Мастер и Маргарита”:

- (...) Свежесть бывает только одна — первая, она же и последняя. А если осетрина второй свежести, то это означает, что она тухлая!

- Я извиняюсь... — начал было буфетчик (...).

- Извинить не могу.

Все эти примеры характеризуются тем, что прямое восприятие приведенных высказываний (понимание их как высказываний, в которых значение равно смыслу) ведет к коммуникативному сбою.

Однако использование в приведенных примерах высказываний, смысл которых не может быть сведен к поверхностному значению (“значению предложения”) вряд ли можно назвать косвенным речевым актом. С последним их роднит разрыв означаемого и означающего, конвенциональность, обязательность определенных процедур при декодировании, но существенное отличие состоит в том, что при восприятии смысла косвенного речевого акта реципиент опирается, прежде всего, на языковые и речевые законы — семантику языковых единиц, правила коммуникации и др. (с привлечением, конечно, определенных фоновых знаний), смысл же произнесения высказываний, приведенных в примерах (1), (2), (4), (5), (6) не может анализироваться по законам языка и вербальной коммуникации. Условно говоря, смысл косвенных речевых актов “лингвистичен”, а указанных примеров “экстралингвистичен”. Так, обмен репликами типа *Привет! Как дела?* не несет никакой информации, собеседники просто обмениваются “поглаживаниями” (термин Э. Берна [2,с.27]), демонстрируя свое отношение друг к другу. При произнесении подобных высказываний говорящий крайне ограничен в свободе выбора содержания и формы высказывания, порядке следования определенных высказываний, отступление от строгой процедуры ведет к коммуникативному сбою. Назовем подобное использование языка “ритуальным”. Остановимся на последнем термине подробнее.

Мы согласны с Э. Берном, который писал: “(...) Мы называем ритуалом стереотипную серию простых дополнительных трансакций, заданных внешними социальными факторами. Неформальный ритуал (например, прощание) в разных местностях может отличаться рядом деталей, однако, в основе своей он неизменен. Формальные ритуалы (например, католическая литургия) характеризуются гораздо меньшей свободой. (...) По мере того, как шло время и менялись обстоятельства, многие из них [формальных ритуалов — Д.Г.] потеряли какое-либо значение как процедуры и превратились в символ лояльности” [2, с.26]. “Существенной особенностью и процедур и ритуалов мы считаем то, что они стереотипны. Как только произошла первая трансакция, все остальные в серии становятся предсказуемыми. А порядок их известен заранее. Результат последовательности трансакций также предопределен, если, конечно, не случается что-то непредвиденное” [2, с.29].

Э. Берн, говоря о ритуале, не ограничивается сферой языка и речи, мы же сконцентрируем свое внимание лишь на вербальных ритуалах. Ритуал как поведение, исключая личностную свободу участников, противостоит поступку. Под поступком мы предлагаем понимать “такое поведение, которое допускает неоднозначность в оценочной интерпретации” [15, с.20]. Поступок есть “индивидуально сознательное действие” [16, с.151], предполагающее свободу выбора личности и принятие ей на себя ответственности за это действие. Ритуалом же назовем “всякое традиционное стереотипное поведение, при котором индивид действует по некоторым нормам и правилам, выработанным и санкционируемым определенным социумом, отказываясь от свободы выбора формы и содержания своего поступка” [16, с.151].

Возвращаясь к сопоставлению ритуалов и косвенных речевых актов, заметим, что последние, как правило, принадлежат к поступкам, и остановимся на еще одном существенном различии между первыми и вторыми. В косвенном речевом акте говорящий при помощи некоторого значения передает определенный смысл, рассчитывая, что слушающий сможет декодировать высказывание, воспринять смысл и понять намерение говорящего, т.е. при произнесении высказывания предполагается “активная роль другого”, о чем писал М.М. Бахтин³ [1, с.248]. Подобная

³ М. М. Бахтин: “Слушающий, воспринимая и понимая значение (языковое) речи, одновременно занимает по отношению к ней активную ответную позицию: соглашается или не соглашается с ней (полностью или частично), дополняет, применяет ее, готовится к исполнению и т.п. (...) Всякое понимание живой речи, живого высказывания носит активно ответный характер” [1, с.246].

активная роль реципиента практически исключается при ритуальном использовании языка, т.к. голая форма, лишенная языкового содержания, соответственно, и не предполагает декодирования высказывания с целью извлечения этого содержания. Речь идет, например, о таких высказываниях, как обращение к съезду партии 15-20 лет назад, напутственная речь, обращенная к новобранному работником загса и другие дежурные выступления, когда важным оказывается лишь сам факт произнесения высказывания, но ни говорящим, как правило, ни реципиентами не предполагается его семантическое наполнение. Рассмотрим следующие примеры.

(7) *Над одним из корпусов МГУ, в котором учился автор данной работы, висел огромный лозунг. Я видел его на протяжении многих лет практически ежедневно, но совершенно не помню его содержания, кажется, там фигурировало слово “коммунизм”. Проведя пилотажный опрос своих коллег, я выяснил, что практически все они помнят, что лозунг был, но никто из них не мог сказать, что же именно там было написано.*

(8) *В качестве другого примера приведем известное стихотворение А. Галича “О том, как Клим Петрович выступал на митинге в защиту мира”, в котором рассказывается о том, как рабочий-передовик, зачитывая с пафосом текст, переданный ему работником обкома, произносит следующие слова:*

*Израильская, — говорю, — военицина
Известная всему свету!
Как мать, — говорю, — и как женицина
Требую их к ответу!*

Клим Петрович с ужасом понимает, что “пижон-порученец перепутал в суматохе бумажки!” Однако никто из слушателей даже не замечает этого:

*И не знаю — продолжать или кончить,
В зале вроде ни смешочков, ни вою...
Первый тоже, вижу, рожки не корчит,
А кивает мне своей головою!⁴*

В последнем примере мы, конечно, имеем дело с литературным произведением, в котором отмеченная особенность речевого поведения подвергается сатирическому заострению, гиперболизации, но для нас важно то, что автор стихотворения четко указал, что для данного рече-

⁴ А. Галич. Избр. стихотворения. М. 1989. С.153-154.

вого жанра в указанной типовой ситуации практически неактуальным оказывается содержание речи, важным является лишь ее “общее направление”, выражаемое с помощью мелодического контура (достаточно жестко заданного) и некоторых слов-сигналов.

Подчеркнем еще раз, что форма ритуальных высказываний оказывается “пуста”, содержание их не может анализироваться по законам языковой семантики, смысл их оказывается экстралингвистичным, а сами высказывания — неденотативными. Производя подобное высказывание, говорящий “метит” свою позицию, означивая подобным образом принадлежность к определенному социуму, место в социальной иерархии⁵, свою лояльность и идеологическую позицию. Автор высказывания в таких случаях лишен свободы выбора как содержания, так и формы высказывания, в всяком случае выбор этот предельно сужен до нескольких стандартных, стереотипизированных вариантов⁶. Интересно, что даже незначительное отступление от этих стандартов приводит к “возрождению” языкового содержания через “возрождение” значения тех единиц, которые формируют высказывание. В этом случае ритуал превращается в поступок и именно в качестве последнего воспринимается реципиентами, а само высказывание (форма) обретает свое означаемое (содержание). Приведем один характерный пример (об этом случае рассказал Ю.Е. Прохоров).

(9) Во время международной встречи представитель России выступал с обстоятельным докладом, который пытался произнести в максимально быстром темпе. Переводчик-синхронист никак не мог угнаться за ним, несмотря на все усилия, слушатели, давно упустив нить рассуждений докладчика, вежливо ждали окончания затянувшегося выступления. В это время в их наушниках прозвучал голос совершенно потерявшего контроль над ситуацией переводчика: “Ж...! Я не успеваю”. Слушатели мгновенно “очнулись”, сразу с интересом стали слушать произносимую речь (вернее, ее перевод), которая на какое-то время оказалась для них наполненной смыслом.

При ритуальном использовании языка почти на нет сводится личностное поведение коммуникантов, их личностный выбор. Они могут лишь выбирать — участвовать им в ритуале или нет. Приняв решение участвовать, они оказываются жестко ограничены в выборе содержания и формы своих высказываний. Так, на официальное приветствие возмо-

⁵ Можно вспомнить огромное значение, которое придавалось тому, кто будет произносить речь на похоронах очередного генсека в советские времена.

⁶ Вспомним краткий словарь для журналистов Остапа Бендера.

жен лишь ответ *Здравствуйте! Добрый день (утро, вечер)!*; при подготовке речи приветствия Съезду автор более свободен в выборе и композиции единиц, но свобода эта мнимая, так как количество вариантов жестко ограничено, обязательным оказывается употребление таких сигналов, как *ленинская партия, коммунизм, лично тов. ...* и др.⁷. Заданным оказывается даже общий интонационный рисунок высказывания.

Легко заметить, что лингво-культурное сообщество далеко не во всех случаях санкционирует личностное поведение индивида. В связи с этим необходимо коротко остановиться на одном из аспектах культуры⁸. В литературе уже неоднократно отмечался амбивалентный характер бытования культуры в обществе, культуру, с одной стороны, можно рассматривать с точки зрения “философии культивирования индивидуальных сил и способностей человека” [7, с.136], а с другой — под культурой понимают определенные формы социального взаимодействия. Иными словами, культура может пониматься как определенная форма общественного бытия людей и как форма присвоения личностью коллективного опыта. Культура может служить для “самодетерминации индивида в горизонте личности [3, с.289], но она также ограничивает “свободу маневра” этой личности в культурном пространстве определенного социума. Позволим себе высказать предположение, что в последнее время в силу различных обстоятельств (в их числе — наличие мощных технических средств влияния общества на своих членов и контроля над ними) вторая тенденция становится преобладающей и все больше доминирует над первой. Коммуниканту постоянно предлагаются уже готовые формы речи, жестко связанные с определенным содержанием, а по существу асемантические. Это содержание является для производящего высказывание “чужим” по своей сути, но общество стремится создать иллюзию, что оно — “свое” (в скобках заметим, что лет 20 назад ситуация была несколько проще — общество не заставляло воспринимать высказывание как “свое”, но требовало от индивида деклараций того, что он считает его таковым, мало заботясь об их искренности).

⁷ Вспоминается характерный случай. Молодой ученый подготовил работу о развитии буддийской философии в Японии в XVI в. и показал ее своему научному руководителю. Тот сделал ему замечание, что в работе нет ни одной цитаты из Маркса-Энгельса-Ленина, на что молодой философ наивно заметил, что названные мыслители ничего по данному вопросу не писали и их обширные интересы лежали в совсем других областях. Мудрый руководитель сказал буквально следующее: “Не так важно, что именно Вы процитируете, все равно никто этих цитат ни читать, ни, тем более, проверять не будет, но все сразу обратят внимание, если цитат не будет”.

⁸ Подробнее об этом мы писали в наших предыдущих работах. См., напр., [6], [11].

Для “чужого” содержания идеально подходят “чужие” формы — санкционированные обществом цитаты, стереотипы, прецеденты⁹. Это ведет к стандартизации и стереотипизации речи, ее фразеологизации и идеоматичности, следствием чего является и уже отмеченная нами выше асемантизация¹⁰. Высказывание передает лишь некоторый импульс при помощи знаков-сигналов.

Сказанное выше позволяет под новым углом зрения взглянуть на проблему языковой личности, активно обсуждаемую последнее время в теоретической лингвистике. Понятие личности неизбежно связано с поступками, совершаемыми этой личностью, т.е. со свободой выбора и ответственностью за этот выбор. Следовательно, невозможно говорить о личности там, где эта свобода отсутствует, например, при ритуальном использовании языка языковая личность практически лишена возможности себя реализовать. Мы согласны с Ю.Н. Карауловым, указывающим, что “общение на уровне “как пройти”, “где достали” и “работает ли почта” (...) не относится к компетенции языковой личности; (...) языковая личность начинается (...), когда в игру вступают интеллектуальные силы”¹¹ [8, с.36], и хотим при этом подчеркнуть, что стандартизация и стереотипизация речи затрагивают не только речевой этикет и типовые ситуации, которые указывает Ю.Н. Караулов, но и гораздо более широкие сферы языкового общения.

Коротко остановимся на понятии стереотипа, уже не раз упоминавшемся в настоящей работе. По мнению введшего этот термин У. Липпманна, стереотипы — это упорядоченные, схематичные, детерминированные культурой, “картинки мира” в голове человека, которые экономят его усилия при восприятии сложных социальных объектов и защищают его ценностные позиции и права. “Дело в том, что реальная окружающая среда слишком объемна, слишком сложна и слишком быстротечна для непосредственного восприятия. Мы не способны реагировать на все ее тонкости, многообразие, представленное в ней множество изменений и сочетаний. И хотя мы вынуждены действовать именно в этой среде, нам приходится ее реконструировать по более простой модели, чтобы справиться с ней” (цит. по [4, с.85]). В вербальной деятельности индивида стереотипы

⁹ Мы прекрасно сознаем, что это явления разного порядка, но не останавливаемся на различиях между ними, обращая внимание лишь на то, что их объединяет. Все они представляют собой готовые формы, предлагаемые для постоянного, многократного использования.

¹⁰ См. также исследование Ю. Н. Тынянова асемантизации (“сглаживания слов”) в речи политических ораторов [20].

¹¹ Противоположную точку зрения см. в [9].

ности индивида стереотипы находят свое отражение в содержании производимых им высказываний. При этом стереотипное содержание требует стандартизированной формы. Стандартизация высказываний ведет к стандартизации дискурса, в который они включены, и речевого поведения в целом. Наиболее удобной формой подобной стандартизации является ритуал, сводящий все многообразие речевого поведения к ограниченному набору типовых ситуаций. Для коммуникации в подобных ситуациях важными оказываются указывающие на стандартную форму вербальные сигналы, при получении которых в сознании реципиента сразу актуализируется стереотипная “картинка”, связанная со стереотипным содержанием. Подобное общение можно представить как обмен стереотипами при помощи определенных вербальных сигналов. Собственно информационная нагрузка подобной коммуникации оказывается близкой нулю, коммуниканты лишь “метят” свою позицию или обмениваются “поглаживаниями”¹². Коммуникация такого типа не предполагает поступков коммуникантов, а следовательно, их личностного поведения.

Таким образом, существование стереотипов и стандартных вербальных форм их выражения (вернее, указания на них, т.к. стереотипы в силу своей общности для определенного социума полагаются коммуникантом известными собеседнику и поэтому чрезвычайно редко прямо эксплицируются в речи (за исключением косвенных речевых актов)) играет двойную роль. С одной стороны, они совершенно необходимы, без них невозможным оказывается как социальное существование индивида, его бытование как культурного существа, так и существование национальной культуры, обеспечивающей, в свою очередь, единство лингво-культурного сообщества (а только в нем *homo sapiens* может обрести полноценное бытие); а с другой — сводит на нет личностное поведение индивида, “блокирует” его поступки, следовательно, ставит под сомнение его развитие как личности (т.к. мы говорим о вербальном поведении и речевых поступках — языковой личности). Абсолютная свобода и абсолютная стандартизация, конечно, представляют собой полюса, в реальном речевом поведении каждого человека поступки и ритуалы сочетаются. Но представляется, что можно говорить о преобладании одной из двух тенденций как в поведении отдельной языковой личности, так и определенного лингво-культурного сообщества, в опре-

¹² Мы не останавливаемся на вопросе о соотношении языковых и речевых штампов и клише, штампов и клише сознания и стереотипов, т.к. эта проблема заслуживает отдельного серьезного разговора.

деленную эпоху. Данная проблема вытекает из самой сущности языка, который имеет общественный характер и может обретать существование только в определенном социуме, но реальное бытие языка, находит свое выражение в речевом акте, высказывании, тексте, а они всегда индивидуальны и не могут сколько-нибудь полно интерпретироваться вне рассмотрения личностных характеристик говорящего, его мотиваций и интенций. Эта особенность языка проявляется и на уровне отдельных языковых единиц (можно вспомнить учение А.А. Потебни о ближайшем и дальнейшем значении слова: "(...) Ближайшее значение слова народно, между тем дальнейшее, у каждого различное по количеству и качеству элементов, — лично" [17, с.158])¹³.

Подводя предварительный итог нашим предыдущим рассуждениям, заметим, что можно выделить достаточно широкую зону "неинформативного" использования языка, принадлежащие к ней высказывания не могут быть отнесены ни к перформативам, ни к косвенным речевым актам, собственно языковой смысл таких высказываний отсутствует, они не связаны с каким-либо денотатом (референтом, пропозицией)¹⁴, языковые по форме высказывания оказываются лишены языкового содержания. Мы называем подобные речевые акты ритуальными, т.к. их роднит с ритуалом в собственном смысле несколько общих черт, которые мы перечислим ниже, суммируя уже сказанное ранее.

1. Фиксированность формы и "стертость" содержания. В ритуале содержание знака, как правило, "стерто" для его пользователей, существуют лишь форма знака и результат, который должен получиться при осуществлении определенных операций с этим знаком.

2. Обязательная последовательность жестко определенных действий, исключая для участников ритуала свободу выбора, делающая невозможным поступок. Коммуникант может выбирать (до определенной степени) участвовать в ритуале или нет, однако, приняв в нем участие, вынужден подчиниться его законам.

¹³ Ср. также слова А. Н. Леонтьева: "Если взглянуть на жизнь сознания, на его динамическое состояние, то, пожалуй, главное противоречие как раз и есть несовпадение того, что я называю *значением*, т.е. общественно-историческим опытом, определенным в орудиях труда, социальных нормах и ценностях и понятиях языка (того, что усвоено), и того, что я называю <значением для меня>, *личностным смыслом* (означаемого или означенного) явления" [13, с.236-237]

¹⁴ При всем различии понятий, стоящих за указанными терминами, мы позволяем себе употреблять последние в одном ряду, т.к. все они указывают на связь речевых единиц и внеязыковой действительности, оперируя любым из них при анализе интересующих нас высказываний, мы не можем не признать, что связь эта оказывается нарушенной.

3. Смысл высказываний, входящих в ритуальный речевой акт, как и смысл действий некоторого ритуала, не может быть связан со значением высказываний (действий), не может быть выведен из них, смысл этот не может интерпретироваться по законам знаковых систем. Например, из действия “плюнуть 3 раза через плечо” никак не вытекает его смысл — “ограждение от неприятностей”; высказывание *Как дела?* не связано напрямую со смыслом — “выражение внимания и симпатии”; выступление на партийном собрании с одобрением очередного постановления, связанное с желанием выразить свою лояльность, добиться повышения по службе и т.д., не имеет смысла интерпретировать по законам речевого взаимодействия. Ритуальные знаки (действия и высказывания) оказываются “неденотативными”.

4. Лингво-культурное сообщество санкционирует применение ритуалов, препятствует их нарушению, стремится максимально расширить сферу их действия, ограничить свободу маневра индивида в культурном пространстве.

Сказанное выше позволяет нам вернуться к проблеме прецедентов. Под прецедентами в широком значении этого слова мы понимаем любые стандартные, неизменные по форме и связанные со стереотипным содержанием вербальные единицы. Б.М. Гаспаров, подробно исследующий бытование подобных единиц в языковом сознании, указывает: “Вся наша языковая деятельность — и создаваемая, и воспринимаемая нами речь — пронизана блоками-цитатами из предыдущего языкового опыта” [5, с.119]. Данный исследователь называет подобные блоки коммуникативными фрагментами и дает им следующее определение: “Коммуникативные фрагменты (КФ) — это отрезки речи различной длины, которые хранятся в памяти говорящего в качестве стационарных частиц его языкового опыта и которыми он оперирует при создании и интерпретации высказываний. КФ — это целостный отрезок речи, который говорящий способен непосредственно воспроизвести в качестве готового целого в процессе своей речевой деятельности и который он непосредственно опознает как целое в высказываниях, поступающих к нему извне” [5, с.118]. Легко заметить, что прецеденты подобного рода могут быть прецедентами для отдельного человека (автопрецеденты), некоторого социума (социумные прецеденты), всего лингво-культурного сообщества (национальные прецеденты), в дальнейшем, говоря о прецедентах, мы будем иметь в виду только последние.

Кроме широкого, возможно более узкое понимание прецедентов. Речь идет о вербальных прецедентных феноменах (ПФ), которым по-

священо большое количество работ автора настоящей статьи и его коллег (см., напр., [6], [11], [12]). К ПФ мы относим прецедентное имя (ПИ), прецедентное высказывание (ПВ), прецедентный текст (ПТ), прецедентную ситуацию (ПС)¹⁵. ПФ и различные указания на них (символы ПФ) оказываются тесно связанными с ритуальной речью и активно функционируют в ней (вспомним активное использование “дежурных” цитат из классиков марксизма-ленинизма в политическом дискурсе советского периода: *Учиться, учиться...; Бытие определяет сознание; Пролетариату нечего терять...*).

Прецеденты (и в широком, и в узком понимании) позволяют “спрятаться” за “чужое” слово, “чужую” речь, отказываясь от своей¹⁶. Интересно рассмотреть с этой точки зрения тексты некоторых авторов, которых принято причислять к постмодернистам (см. интересную работу И.И. Яценко [21])¹⁷. Не случайно, что ПФ получили самое широкое

¹⁵ Подробное определение этих терминов см. в указанных выше работах.

¹⁶ Приведем цитату, интересную тем, что принадлежит она журналисту, размышляющему над языком сегодняшних СМИ: “Речь старается исчерпать себя в цитатах ниоткуда и тем скрыть капризное, неуживчивое “я” говорящего. В очередной раз произнося расхожую фразу или отсылая к известной ситуации, я не только сам отказываюсь от авторства, но и лишаю его тех, кто впервые придумал, изобрел афоризм или сюжет, который мы используем. Наша речь использует, приручает их, освобождает от оригинального, единичного, а значит неминуемо взрывчатого и опасного содержания” (О. Дарк. Было дело в Грибоедове. НГ, 17/09/97).

¹⁷ Ср.: “(...) В концептуальном искусстве не автор высказывается на своем языке, а сами языки, всегда чужие, переговариваются между собой” (М. Айзенберг. Вместо предисловия // Личное дело №. М., 1991. с. 7). В качестве примера приведем отрывок из поэмы Т.Кибирова “Сквозь прощальные слезы”, в котором фрагменты текстов лагерного фольклора, Некрасова, Мандельштама и советского официоза оказываются рядом, образуя сложное единство, рождающее противоречивые ассоциации:

Эх ты, волюшка, горькая водка,
Под бушлатиком белая вошь,
Эх, дешевая фотка-красотка,
Знаю, падла, меня ты не ждешь!
Да и писем моих не читаешь,
И встречать ты меня не придешь,
Ну, а если придешь — не узнаешь,
А узнаешь — сама пропадешь.
Волга, Волга! За что меня взяли?
Ведь не волк я по крови своей!
На великом на славном канале
Спой мне, ветер, про гордых людей!

Данный пример интересен еще и тем, что может служить яркой иллюстрацией тезиса о том, что “чужое” у каждой языковой личности оказывается “своим”, “чужое”, но знакомое для меня может не быть таковым для другого.

использование в текстах СМИ в последнее время (при некотором снижении доли языковых штампов и клише, т.е. прецедентов в широком понимании). Это выглядит парадоксальным, ибо, скажем, газета предназначена именно для передачи новой информации, однако, количество неинформативных, асемантичных высказываний даже в текстах новостей оказывается весьма велико. На подобную черту уже обращалось внимание исследователями языка современных СМИ. Приведем слова В.Г. Костомарова: “Во многих случаях словесные игры (...) лишены содержательного или изобразительного замысла и существуют ради балагурства” [10, с.34]. Заметим, что здесь перед нами встает интереснейшая проблема взаимоотношений ритуальной речи, вербальных прецедентов и языковых игр, но эта тема заслуживает отдельного рассмотрения, здесь же, завершая настоящую статью, подчеркнем, что столь частый разрыв значения и смысла высказывания, характерный для многих речевых произведений, может происходить в косвенных речевых актах, ритуальных высказываниях и языковых играх, причем в последних двух случаях происходит асемантизация языковых единиц, формирующих высказывание; ритуальная речь и языковая игра отличаются ярко выраженной конвенциональностью и в отличие от косвенных речевых актов не могут интерпретироваться по законам языковой семантики.

Л и т е р а т у р а

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
2. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. СПб.-М., 1996.
3. Библер В.С. От наукоучения к логике культуры. Два философских введения в XXI век. М., 1991.
4. Дейк Т.А. ван Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
5. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.
6. Гудков Д.Б. Прецедентные имена и парадигма социального поведения // Лингвостилистические и лингводидактические проблемы коммуникации. М., 1996.
7. Гудков Л.Д. Метафора и рациональность. М., 1994.
8. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
9. Клобукова Л.П. Феномен языковой личности в свете лингводидактики // Язык, сознание, коммуникация. М., 1997. Вып. 1.
10. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М., 1994.
11. Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1997. № 3.
12. Красных В.В. Когнитивная база vs культурное пространство в аспекте изучения языковой личности (к вопросу о русской концептосфере) // Язык, сознание, коммуникация. М. 1997. Вып. 1.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А. И. Изотов. - М.: «Филология», 1997. Вып. 2. - 124 с. ISBN 5-7552-0104-8

13. *Леонтьев А.Н.* Избранные психологические сочинения. М. 1983. Т.2.
14. *Остин Дж.Л.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М. 1986.
15. *Петренко В.Ф., Алиева Л.А.* Стереотипы поведения как элемент национальной культуры // Языковое сознание: стереотипы и творчество. М. 1988.
16. *Пешков И.В.* О типологии ситуации речевого общения и о возможности обоснования научного статуса риторики // Языковое сознание: стереотипы и творчество. М. 1988.
17. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. М. 1958.
18. *Серль Дж.Р.* Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. М. 1986. Вып. 17.
19. *Серль Дж.Р.* Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М. 1986. Вып. 17.
20. *Тынянов Ю.Н.* Словарь Ленина-полемиста // Архаисты и новаторы. Л. 1929.
21. *Яценко И.И.* О времена! О тексты! (Доступны ли интертекстуальные связи русскоязычного художественного текста иностранному читателю?) // Язык, сознание, коммуникация. М. 1997. Вып. 1.